

СИР ЭДГЕР И ЕГО СОКОЛ

Повесть XVI столетия
(Из соч. автора “London in the olden time”)¹

“Well flown, brave bird!”
Shakespeare²

Из всех забав, коими высокородные бароны средних веков прогоняли скуку, нередко тяготившую их в мирное время, ни одна не была так и долго и страстно ими любима, как *царская соколиная охота* (столь высоко было ее назначение!). К удивлению, охота сия впоследствии совершенно вышла из употребления, между тем как шахматы, шашки и большая часть других приятных занятий, разнообразивших жизнь в старинных замках, служат тихим увеселением и поныне. Гимнастические упражнения, забавлявшие наших праотцев, не потеряли еще всей своей прелести. Опыты в искусстве стрелять из лука, хотя слабые в сравнении с прежними, развлекают также добрых охотников. Каждый год спускаются со свор гончие собаки, и в ясные дни лета роскошные леса оглашаются охотничьими рогами. Словом: не стало только соколиной охоты, в таинства которой посвятить королевского сына поставил бы прежде за честь себе надменнейший из лордов. Об охоте сей Джулиана Бернерс, игуменья Сопевельская, отложив четки и молитвенник, в начале книгопечатания прелестною своею рукою написала книгу под названием “*Boke of seynte Alban*”; но книга эта почти никому, кроме антиквариев, не известна, и потому мы намерены сообщить хоть некоторое понятие любезным читателям о том препровождении времени, которое более пяти столетий было самым приятным для наших предков.

Если припомним, сколь ограничены были в старину источники удовольствий и какую особенную прелесть доставляли все развлечения на открытом воздухе жителям обнесенных высокими стенами замков, сквозь узкие окна коих едва проницал луч солнечный, то нимало не покажется странным, что затворники сии с восторгом предавались забаве, вызывавшей их в чистое поле, к тихому озеру или на берег светлой речки. Бароны весело снимали клобучки³ с соколов своих, гордым оком озиравших обширные области их владетелей. Рыцарь, сопровождавший прелестную леди, не упускал из вида ее сокола, пускавшегoся за добычей, чтобы потом, отняв у него сию добычу, снова посадить его на вышитую перчатку своей дамы: таким образом, весьма естественно, что охота, соединявшая удовольствия светской беседы с приманками чистого воздуха и ясного солнца, их восхищала. Лорды средних веков любили дичь как лучшее лакомство и добывали ее только посредством соколиной охоты; воспоминание же, что вкусная пища сия была запрещенною,

123

может быть, придавало ей еще большую цену. Правда, люди, лишенные защиты правосудия (out law)^{*}, несмотря на строгость лесных законов, начертанных кровью, охотились в дубравах и почти пред глазами феодальных лордов разили добычу меткими стрелами из надежных луков. Но у них не было ни денег, чтобы покупать соколов, ни времени их вынашивать. Соколиною охотою исключительно занимались особы высшего сословия. Роды сей птицы

^{*} Fogelfrej⁴.

распределены были по званиям: кречет принадлежал королю, большой сокол принцу, зябленик герцогу, дербник рыцарю, кобчик⁵ леди, ястреб оруженосцу; короче сказать, сокол, подобно гербу, означал степень благородного происхождения.

Ловки, переимчивы и верны были сии любимые птицы, так, что пословицею: *понятлив, как сокол*, выражалась отличная сметливость. Трубадуры⁶ в песнях к какой-нибудь прелестной особе со всею подробностью описывали ее сокола. Старики, внушая юношам нравственность, толковали им о том подобострастном внимании, с которым соколы повиновались своим владельцам; а красивый вид их, блестящие глаза и ловкий полет составляли для поэтов средних веков (когда они живее хотели изобразить красоту) преобильный запас сравнений: так у наших стихотворцев употребляются розы и лилии. Соколы, как мы уже заметили, были исключительною принадлежностью высшего сословия, и поэтому об них прилагались все возможные попечения. В каждом замке были просторные сокольни, в коих наблюдалась чрезвычайная опрятность. Соколов постоянно мыли, заботились о сбережении нежного лоска их перьев и особенное внимание обращали на их пищу. В изобилии собираемы были из слов Св. писания разные наговоры, дабы ими предохранить птиц сих от действительной или мнимой опасности. Самые законы их ограждали: похищение сокола или сокрытие оногo после шерифского объявления считалось уголовным преступлением; укравший же соколиные яйца подвергался заключению в темницу.

Клобучок на голову сокола обыкновенно плетен был из шелку, часто с превосходными узорами. Золотая цепочка, к которой его привязывали, делалась лучшим мастером;

каждую ножку обвивали замшею (*опутинкою*), и к ней прикреплялись два равновесные колокольчика, только один полутонем звонче другого. Все это весьма подробно описала Джулиана Бернерс. Колокольчики для ястребов, говорит она в своем *сочинении* “*Boke of seynte Alban*”, довольно дешевы, а для зяблеников лучшие были миланские серебряные. Сверх того, дабы сберечь сокола на руке, тонкий ремешек (*должик*) был прикрепляем к его ножке, а шелковый снурок (*creance*) к одной из опутинок, из предосторожности, чтобы сокол, поднявшись на воздух, совсем не скрылся. Кроме того, соколов выносили на охоту под дорогами покрывалами. Из высшего сословия никто не показывался в обществе без сокола как важнейшего своего отличия, и вообще расстаться с ним у наших предков значило сделать пожертвование, на какое только мог благородный человек решиться. Даже *царицу волшебниц* романтические писатели изображали с соколом. В самое большое употребление вошла соколиная охота не прежде конца XII, и сие продолжалось до середины XVI столетия; впрочем, долго и после того соколы оставались любимыми птицами, а сокольни были необходимою принадлежностью каждого хорошего дома. Последнее воспоминание об охоте сей находим в занимательных записках

124

г-жи Гучинсон, где она представляет ужа своего забавляющимся с соколами в конце Кромвелева правления⁷. Но об этом довольно.— Обратимся к героям повести: сирю Эдгеру Фицаллертону и славному его соколу Элинору.

Под грозными стенами Аллертонской башни, освещенной лучами осеннего солнца, толпились веселые охотники, в то время, как сир Джейльс Фицаллертон, держа сокола на руке пред алтарем аббатства Ривольского, поклялся богородицею, что уступит Аллертонское поместье тому из своих племянников, чей сокол превзойдет других и полетом, и большею привязанностию к своему владельцу. Многие из бывших с Джейльсом содрогнулись от удивления, услыша обет сей, ибо думали, что верно в этом случае над всеми одержит верх ближайший Джейльсов наследник, Антоний, который в целой окрестности славился своими соколами, но, будучи злым скрягою, не отличался добрыми делами.

Отец Христофор, сановитый аббат Ривольский, проговорил сирю Джейльсу предлинное поучение насчет безрассудности его обета, отвергая все охотничьи забавы; но увы! слова его остались без успеха: ибо, спустя три дня после того, старый рыцарь встретил самого честного отца аббата, разгуливающего с соколом, на тощем лошаке, берегу речки и занятого с страстью человека светского тою охотою, против которой он вопиял столь жестоко. Было явно, что убеждения добросовестного настоятеля происходили собственно из желания сберечь прелестное поместье для богатого аббатства, почему сир Джейльс, сделав свое намерение гласным, созвал знакомых из-за нескольких миль на охоту. Между тем задумчивые слуги Джейльса замечали в нем грусть необыкновенную, замечали, что щеки его воспалялись от гнева при одном намеке о соколах Антония. Все показывало, что он будет раскаиваться некогда в необдуманном обете, но никто не осмеливался о том говорить ему как лорду гордому и привыкшему держать слово свое в точности, во что бы то ни стало. Накануне дня, в который должна была решиться

участь Аллертонского поместья, юный рыцарь явился пред воротами Джейльсова замка. Престарелый рыцарь был вне себя от радости, узнав в прибывшем юноше любимого своего племянника, обладавшего притом самыми красивыми и отлично выношенными соколами, каких когда-либо видал опытный глаз его. Стены древнего замка огласились радостными кликами, смехом и пением. Сир Джейльс велел приготовить богатый ужин, за которым сидевших на почетных местах угощал мальвазией⁸, а прочих элем⁹, желая новых успехов сирю Эдгеру, снискавшему уже доблестями своими во Франции рыцарское достоинство, и славному его соколу Элинору.

Прекрасное зрелище представилось на другой день, когда, при отблеске крупной росы и при утреннем гимне пробудившихся птиц, показались под стенами седых башен богато одетые охотники, каждый с соколом и собаками. Издалека прибывшие рыцари отличались золотыми уздечками коней своих, драгоценными перевязями и развевавшимися на шлемах их перьями. Дамы были в украшенных жемчугом шляпах и вообще столь богатом наряде, что блеск оного превышал сияние лучей солнечных, а глаза их, воспетые множеством минстрелей¹⁰, казались прелестнее самого утра. Когда же растворились тяжелые ворота и медленно опустился огромный

подъемный мост, тогда ржание коней, звон соколиных колокольчиков, свист охотников и веселый говор многочисленного собрания слились в один гул, имевший в самой дикости своей нечто приятное.

Аллертонское озеро было избрано для охоты, и туда прибыли шесть племянников старого рыцаря с своими соколами. Цапли, одна за другую, взлетали на воздух; но как ни подымались они, сокол сира Эдгера брал верх над ними и, спускаясь потом стрелою, повергал их, без чувств, на землю. Одна только цапля взвилась так, что казалась на ясном небе точкою. “Спасайся, благородная птица,— весело воскликнул сир Джейльс,— пусть Аллертон достанется тому, чей сокол тебя настигнет”. Зрители с изумлением смотрели друг на друга, ибо знали, что длина шелковых снурков не дозволила бы ни одному соколу достичь такой высоты. Тут сир Эдгер оборвал снурок Элинора и с видом спокойным, но торжествующим, не обращая внимания на злобный хохот совместника своего Антония, любовался, как Элино́р его, освобожденный от оков, парил в поднебесье. Уверенность Эдгера в славном его соколе оправдана была на самом опыте: слетев с необъятной высоты и крепко держа в когтях безжизненную цаплю, поверг он ее к ногам своего владетеля и снова сел на его руку.

С радостию сир Джейльс возвратился в замок и прежде обеда, приветствуя гостей своих, два раза осушил задравный кубок до последней капли в честь сира Эдгера лорда Аллертонского и славного его сокола.

(Окончание в след. №.)